

A man with glasses and a beard, wearing a dark blue blazer over a white t-shirt, stands on the left. He is gesturing with his hands while talking to a woman on the right. The woman has long, dark, wavy hair and is wearing a black leather jacket over a red dress. They are in an outdoor setting at night, possibly a rooftop or terrace, with city lights and buildings in the background. There are string lights and potted plants in the foreground. The overall mood is romantic and intimate.

Анна Цнайдер

Закрывать
ГЕШТАЛЬТ

Анна Шнайдер
Закреть гештальт

«Литнет»

2026

Шнайдер А.

Закрыть гештальт / А. Шнайдер — «Литнет», 2026

Двенадцать лет назад, в выпускном классе, Гриша Прозоров поспорил, что соблазнит меня. Я почти попалась, и если бы не подслушанный случайно разговор...С тех пор я не могу доверять людям и строить нормальные отношения. Мой психолог утверждает, что я должна закрыть гештальт и поговорить со своим обидчиком, поэтому впервые за эти годы я отправляюсь на встречу с бывшими одноклассниками. Однако в процессе выясняется, что закрыть гештальт нужно не только мне. Очень эмоционально, а местами чувственно и эротично)

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	12
5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

1

Инна

Ресторан Прозоров, конечно, выбрал шикарный. Самый центр города, элитный район, рядом небоскрёбы, поддерживающие своими крышами вечернее летнее небо. Миллион разноцветных огней, весёлая музыка, запахи, доносящиеся до меня сквозь приоткрытое окно такси, из-за которых рот моментально заполнился слюной. Шашлык, м-м-м! Интересно, существуют ли на свете люди, которые не любят шашлык? Мне кажется, нет.

— Вы выходить-то будете, девушка? — устало вздохнул таксист. — Пятнадцать минут уже сидите.

Вот и какое ему дело, сколько я тут сижу? Я же потом и платить буду за насиженное. Или он сомневается, что оплачу?

Пятнадцать минут, ха! Да я на самом деле уже двенадцать лет сижу. Не в такси, а просто избегаю встреч одноклассников. А они — молодцы! — встречаются стабильно раз в год. И каждый раз ресторан выбирает Прозоров, будь он не ладен. Не ресторан, конечно — Гришка. Выбирает, бронирует, и даже частично оплачивает наши посиделки. Может себе это позволить. Всегда мог.

— Буду, — ответила я таксисту хмуро. — Ещё пять минут. Наверное.

Ага, наверное. Или не пять, а десять. А может, и пятнадцать. Или вообще забить на эту дурацкую встречу и умотать домой?

Я сделала так в прошлом году. Приехала к ресторану, просидела в такси почти целый час, а потом умотала домой. Несмотря на все советы своего психолога.

В этом году она опять начала осторожно намекать мне, что пора бы закрыть гештальт, за пару месяцев до ежегодной встречи одноклассников. И старательно готовила меня к этому моральному потрясению.

Но разве к такому можно быть готовой? Разумеется, нет.

— Инна, вам это нужно, — так говорила мне Елена Вадимовна, мой постоянный психолог на протяжении вот уже больше пяти лет. Человек, благодаря которому я ещё до сих пор топтала эту землю. — Иначе вы так и будете ходить кругами.

— Кругами ходить не так уж и скучно, — пробурчала я тогда и вновь нарвалась на лекцию о том, как важно отпускать старые обиды. Вот только тому, что я чувствовала двенадцать лет назад — да и до сих пор чувствую, — меньше всего подходило слово «обида».

Когда-то очень давно я читала о таком понятии, как «тепловая смерть Вселенной». Пожалуй, отличное определение тому, что произошло со мной в выпускном классе, когда мне было восемнадцать. Я пришла в полное термодинамическое равновесие. То есть, заморозилась.

Не самое плохое состояние, на самом деле — жить можно. И если бы не перманентная депрессия, которая настигла меня через несколько лет после окончания школы, я бы даже не возражала быть Снегурочкой всю жизнь. Но что-то вот не получается. Такая тоска дерёт нутро, что невозможно. Всё — невозможно. Особенно строить отношения. Помогает лишь работа, но нельзя же работать круглыми сутками, верно?

Елена Вадимовна утверждает, что если я поговорю с Прозоровым — хотя бы просто поговорю для начала, — мне станет легче. Я очень в этом сомневаюсь. Но всё-таки в этом году я, пожалуй, последую её совету... Вдруг и правда получится?

Если наберусь смелости, разумеется. Пока у меня с ней было не очень. Поэтому я коротала время в машине, уставившись на ресторан с большой летней верандой, где должны были встречаться мои одноклассники, и пыталась собраться с силами.

Давай, Инна, не трусь...

Мимо такси, в котором я сидела, неожиданно прошла женщина, напомнившая мне Наташу Синеокову — главную красавицу нашего класса. Я быстро-быстро заморгала, не в силах поверить, что это действительно она. Лицо точно её... но остальное? Она же была такая стройняшка с золотой косой до пояса. А теперь мимо меня прошагала женщина минимум с тридцатью килограммами лишнего веса, лишним подбородком и коротким каре, зачем-то высветленным до безобразия.

Это что — карма такая? Когда-то Наташа была в лидерах среди тех, кто меня травил. Она, я думаю, в целом презирала всех, у кого был лишний вес или прочие физические недостатки, сама будучи, по её мнению, безупречной. А теперь, получается, играет в составе другой команды. Забавно, забавно...

Наверное, я плохой человек, потому что мне и правда стало смешно. А ещё — почему-то чуточку легче перед встречей с теми, кто меня мучил всё время учёбы.

Оплатив затянувшуюся поездку, я глубоко вздохнула и выбралась из такси.

Первый шаг сделан.

2

Инна

Когда я вышла из машины, звуки окружающего мира обрушились на меня, как огромная волна цунами на спокойный морской берег. В такси всё звучало приглушённо, а теперь я оказалась окружена музыкой, чужим смехом, шумом проезжавших мимо автомобилей... Я разом ощутила себя крошечной песчинкой на пути разбушевавшейся стихии и повела плечами — чувство было неуютным и моментально заставляло привычно замораживаться, отгораживаясь от происходящего. Чтобы никто и ничто больше не могли меня задеть. Чтобы больше никогда не плакать и не разочаровываться.

Я сделала шаг в сторону летней веранды ресторана «Серафим» — именно там, как мне сообщила Кира Татарская, единственная одноклассница, с которой я иногда общалась, должна была состояться встреча бывших выпускников. И судя по шарикам с цифрой 12, украшавшим веранду, и большой надписью над дверью в ресторан «Добро пожаловать, 11 "А"!» — я приехала по адресу. Не ошиблась.

Двенадцать лет, надо же. А будто вчера всё случилось.

Окна — они же стены — ресторана были прозрачными, отмытыми до блеска, и в них отлично отражалось всё, что находилось снаружи, в том числе и я. И собственное отражение заставило меня приободриться, а заодно мстительно прищуриться.

Интересно, меня вообще хоть один человек узнает?

Сомневаюсь. Всё-таки двенадцать лет назад я была гораздо толще, да и одевалась иначе — в мешковатые бесформенные вещи, которые покупала мне мачеха от всей широты своей заботливой души. И волосы распущенными я не носила, всегда заплетала их в косу или делала хвост.

Я одёрнула короткую кожаную курточку, которую накинула поверх своего красного платья с длинным вырезом сбоку, чтобы не замёрзнуть — июнь всё же, вечера пока прохладные, — и сделала шаг вперёд, к калитке, ведущей на веранду, где уже собрались человек десять из числа моих бывших одноклассников. Я видела их ясно и узнавала всех, тогда как они на меня совсем не смотрели.

Пока не смотрели.

Наташа Синеокова, приняв соблазнительную позу — видимо, по старой привычке, поскольку сейчас это выглядело смешно, — покачивала бокалом с шампанским и что-то с улыбкой, из-за чего её глаза превратились в узкие щёлочки, говорила Рите Малышевой — своей лучшей подруге. В отличие от Наташи, которую прошедшие годы наградили лишним весом, Риту они иссушили, и смотрелись рядом подруги почти карикатурно. Тем более, что обеим не шли их наряды. Наташу ужасно полнило её ярко-зелёное, как стручок гороха, платье, а Рита в юбке в чёрно-белую полосочку казалась ещё худее, чем была на самом деле. Чёрный топ на ней был с открытыми плечами, и выпирающие худые ключицы выглядели жутко. Добавить в руку острую косу — и получится почти вылитая Смерть.

Рядом с Наташей и Ритой стоял Игорь Ломтев. Да уж, как говорится, на манеже всё те же. Все одиннадцать лет обучения в школе Игорь таскался за Наташей, как привязанный, смотрел в рот, заглядывал в глаза, носил портфель и исполнял её приказы. Небольшого роста, с взлохмаченными светло-рыжими волосами — он совсем не изменился. Разве что стал старше и теперь сильнее начал напоминать человека, который давно и упорно пьёт горькую. Почему-то даже не сомневаюсь, что так оно и есть, Игорь и в то время имел тягу к спиртному.

В метре от Наташи, Риты и Игоря стояла другая троица — Макс Малинин, лучший друг Прозорова (по крайней мере, был им в школе), Кира Татарская и Женька Шелехов — наши

отличники. Они обычно не принимали участие в травле моей персоны. Не одобряли, но и не останавливали, предпочитая не вмешиваться. Их по большому счёту всегда волновала лишь учёба, не всякие скандалы и выяснения отношений. Внешне они не особенно изменились — Кира была всё такой же мелкой и худенькой, с тёмными волосами, заплетёнными в косичку, и раскосыми чёрными глазами, Женька так же казался парнем не от мира сего, поскольку единственный пришёл на встречу выпускников в спортивных штанах и мятой футболке, будто недавно вышел из спортзала. А Макс... ну, этот вообще всегда был красавчиком. Именно Малинин считался в нашем классе первым красавцем, а вовсе не Прозоров.

Где он, кстати?

Я обвела взглядом собравшихся на веранде. Нет, Гришу не видно. Наверное, ещё не пришёл.

Вновь посмотрела на Малинина. Хорош. В тёмно-синем костюме с иголки, светло-кремовой рубашке, блестящих ботинках. На запястье смарт-часы, и пусть я не разбираюсь в технике, в случае с Максом даже не сомневаюсь — модель дорогущая. Он всегда тянулся к роскоши и всему самому шикарному. Может, поэтому и дружил с Прозоровым, а ещё пытался встречаться с Наташей, но не выдержал её замечательного характера.

Неподалёку от Макса, Киры и Женьки в стайку собрались девчонки, которые когда-то с наслаждением меня травили, повинаясь указаниям Наташи. Забавно, но сейчас я даже не могла вспомнить, кого из них как зовут. Вон та светленькая — Катя? Или Ира? А Катя — это шатенка? Ай, да какая разница. Я всё равно с ними разговаривать особо не собираюсь.

А с кем ты собираешься разговаривать, Инка? Да знамо дело, с кем, но его что-то не видно. Вдруг не придёт?

Должен прийти. Кира говорила, что Прозоров принципиально не пропускает встречи одноклассников.

Я сделала ещё пару шагов к калитке, и в этот момент откуда-то сбоку рядом со мной возник человек, которого я уже пару минут отыскивала взглядом среди собравшихся.

3

Инна

— Вы сюда? — с вежливой улыбкой поинтересовался Прозоров, легко касаясь ладонью моего локтя. — Прошу прощения, но на сегодняшний вечер весь ресторан забронирован. Должны были выставить объявление возле калитки, но, видимо, закрутились и забыли. Сейчас я скажу, чтобы поставили. Извините за неудобства.

Не узнал. Вполне ожидаемо.

А я вот его узнала.

Гришка Прозоров тоже не особенно изменился. Такой же обаятельный, как сам чёрт, выше меня на полголовы, в очках на тонких дужках, за которыми прятались серо-зелёные кошачьи глаза. Русые волосы на голове мастерски уложены в причёску, создававшую впечатление лёгкой небрежности — как будто Гришка недавно запускал пятерню себе в волосы. Спортивное, подтянутое тело, хорошо просматривающееся за белой облегающей футболкой, поверх которой накинут тёмно-синий пиджак в тон брюкам. Стиль вроде бы и деловой, и в то же время расслабленный, не подходящий для серьёзных дел и совещаний, но для встречи бывших одноклассников — вполне.

В груди на мгновение стало жарко и больно, как будто к коже прижали раскалённый утюг, но затем ощущения сменились привычным холодом.

— Мне сюда, — сказала я, поворачиваясь к Прозорову всем корпусом, чтобы он мог хорошенько меня рассмотреть. Если уж он и способен меня узнать, то исключительно по физиономии — иначе никак. — Привет, Гриша.

Да уж. Мне показалось, что я не просто сказала мужчине «привет, Гриша», а как минимум треснула его чем-то тяжёлым по голове. Дыхание Прозорова сбилось, глаза вытаращились, рот приоткрылся, а зрачки, кажется, моментально сузились, превратившись в крошечную точку.

— Инна? — выдохнул Прозоров с какой-то неожиданной для меня болезненностью, и я величественно кивнула.

Взгляд Гриши пополз вниз. Изучил мою фигуру, обтянутую алым откровенным платьем и лишь сверху скромно прикрытую кожаной курткой, длинные стройные ноги в чёрных лодочках на небольшом каблучке, задержался на самых соблазнительных частях тела — груди и бёдрах, — и я вновь ощутила, как на месте сердца запекло.

Я знала, что выгляжу прекрасно, если не сказать потрясающе. Но тот факт, что у меня давно не было лишнего веса, к сожалению, совершенно не помогал закрыть гештальт, открытый Прозоровым.

— Привет, — сказал Гриша, улыбнувшись с таким трудом, будто у него внезапно заболели все зубы. — Очень рад, что в этом году ты пришла. Идём дальше вместе.

Странная фраза у него получилась. «Идём дальше вместе». Понимаю, Прозоров наверняка подразумевал прохождение калитки, но звучало так, будто он немедленно собирается на мне жениться.

Я даже улыбнулась краешком губ от нелепости подобной мысли. Жениться! Нет уж, если я когда-нибудь всё-таки решусь довериться мужчине, то точно не Прозорову. Сейчас мне всего лишь нужно с ним поговорить. Правда, пока я не представляла, как начать этот разговор, но что-нибудь придумаю. Необязательно же бросаться в омут с головой прямиком с порога, верно?

Мы прошли на веранду, причём Гриша аккуратно и ненавязчиво поддерживал меня под локоть. И периодически косился — я чувствовала на себе его взволнованный взгляд. Настолько

поражён моим внешним видом? Странно. Наташа Синеокова вон как поправилась, на неё же он не таращится? Или Прозоров читает, что я не могла похудеть? Глупости. Всякое бывает в жизни. Толстые худеют, худые толстеют, волосатые лысеют. Ничего особенного.

Хотя мне похудение, конечно, далось большим титаническим трудом.

Когда мы с Прозоровым шагнули на деревянный пол веранды, вокруг внезапно на пару мгновений прекратились все разговоры. Присутствующие синхронно посмотрели на нас, и я быстрым взглядом выхватывала выражения лиц — довольное, даже почти счастливое у Киры, удивлённое — у Макса, досадливое — у Наташи, любопытные — у остальных девчонок.

Первым заговорил Женька Шелехов.

— Салют, Гриш! — громко сказал он, приподняв бокал с шампанским. — Ты решил в третий раз жениться?

Я давно представляла из себя мисс невозмутимость, но в этот момент проняло даже меня.

— В третий раз... — пробормотала я в шоке. То есть за двенадцать лет Прозоров успел дважды побыть женатым? Ничего себе жизненный опыт.

Впрочем, если представить, что Гриша при этом спал только с жёнами, то это даже мало. По крайней мере у меня за последние годы было столько любовников, что я давно перестала их считать.

— Кхм, — кашлянул Прозоров, кажется, чувствуя себя неловко, но локоть мой не отпустил. — Не узнали, ребят? Это же Инна. Жарова Инна.

— Обжорова?! — с изумлением выдохнула Наташа моё школьное прозвище, точнее, свою любимую дразнилку, и я прохладным тоном протянула, красноречиво оглядев Синеокову с ног до головы:

— Теперь на Обжорову больше похожа ты, Наташ, уж извини. Поэтому, если не хочешь, чтобы я продолжала в том же духе, советую поменять линию поведения.

И вновь на веранде воцарилось молчание, в котором, кажется, было слышно, как жужжат комары. Даже музыка не была этому помехой.

Лицо Наташи заливало краснотой от возмущения, и кажется, Синеокова набирала воздуха в грудь, чтобы сказать что-нибудь ещё не очень умное — умом она и правда никогда не отличалась, — когда вновь заговорил Прозоров.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы сегодняшний вечер был посвящён скандалам, — произнёс он твёрдо, глядя на Синеокову с откровенным намёком. — Поэтому если кто-то хочет продолжать в том же духе, лучше сразу идите домой и не портите настроение ни мне, ни себе, ни остальным. Ясно?

Наташа поджала губы, но всё же промолчала. А я невольно подумала: кто же её надоумил надеть это жуткое зелёное платье? Она же в нём реально на жабу похожа. Толстую и к тому же ядовитую.

— Что будешь пить, Инна? — обратился ко мне с вопросом Прозоров, и я чуть повернула голову, чтобы видеть его лицо.

С первым изумлением он справился, и теперь выглядел привычным Гришкой. Серьёзным, уверенным в себе, с несгибаемым стержнем в характере. Точнее, так я думала о нём когда-то, считая, что он не способен на подлость, и жестоко ошиблась. Способен, и ещё как!

И вновь это безумное ощущение в груди — будто уют прижали. Больно.

Закрывать гештальт — оказывается, дело неприятное.

— Сок, — кратко откликнулась я, освобождая свой локоть, и отошла к столу с напитками. Рядом находились и закуски — в основном это было канапе различных видов, пирожные и фрукты, — но есть я не хотела.

Взяла томатный сок. Когда-то я терпеть его не могла, но после истории с Гришей только его и пила, преодолевая неприязнь и тошноту. Зачем, я тогда не понимала.

Позже Елена Вадимовна объяснила мне, что физическим дискомфортом я пыталась победить дискомфорт душевный.
Дурацкий способ.

4

Инна

Минут десять ко мне никто не подходил. Я спокойно цедила сок, слушала музыку и смотрела по сторонам — то на возвышающиеся поблизости небоскрёбы, то на дорогу, по которой иногда проезжали шикарные и блестящие от чистоты и достатка автомобили, то на одноклассников. В их полку прибыло — пришли ещё несколько парней и девчонок. Точнее, теперь уже дяденек и тётенек. Все улыбались, начинали радостно переговариваться друг с другом, потом с вытаращенными глазами косились на меня, но никто не подходил, будто я была прокажённой.

Да уж, весело. Удивительно, как они не решили срочно поменять ресторан, чтобы ненавистная Инна Обжорова им внезапно ничего не испортила.

Но меня совершенно не волновали все эти люди. Одиннадцать лет обучения они являлись для меня чужими, таковыми остались и теперь. Мне нужен был только Прозоров, но он, к сожалению, ушёл внутрь ресторана и никак не появлялся. Видимо, следил за порядком. Скорее всего, это либо его ресторан, либо его отца.

Отец Гриши — известный ресторатор. Точнее, сейчас известный. Когда мы шли в первый класс, Прозоров-старший был владельцем всего одного кафе, но потом каким-то образом умудрился превратить его в целую сеть кофеен. Вслед за кафе пошли рестораны, и Гриша, выпустившись из школы, влился в бизнес отца. Он мне ещё тогда говорил, что ему нравится то, что занимается родитель, и он хочет, как говорится, принять наследство. Даже не сомневаюсь, что у него всё получилось.

Как же я им гордилась в то время! Как радовалась, что у него, в отличие от меня, есть что принимать, да и к кому прийти за советом. Родные люди — самое ценное, что есть на свете.

Увы, у меня их как не было, так и нет.

Когда я уже думала пойти внутрь ресторана и попробовать поймать Прозорова там, ко мне всё-таки подружили двое одноклассников. Конечно, Кира и Макс, больше некому. Остальные были подпевалами Наташи Синеоковой, а Женька Шелехов не тот человек, чтобы проявлять лишнее дружелюбие.

— Привет, Инн, — улыбнулась Татарская вполне искренне. В отличие от её улыбки, улыбка Малинина показалась мне натянутой. — Рада, что в этом году ты решила сделать исключение и встретиться с нами.

— Я тоже рад, — сказал Макс, кивнув. — И выглядишь так, что многие наши уже все глаза себе скосили. Замужем, наверное?

Ага, конечно. Три раза! Или даже четыре!

— Нет, — ответила я, не улыбнувшись. — А что, есть предложения?

Макс опешил. А потом усмехнулся, но как-то грустно, и глаза отвёл.

— Да, в школе ты была не такой ядовитой.

— Всё течёт, всё меняется, — я пожала плечами. — Как твоя дочь, Кир?

Татарская тут же оживилась и принялась рассказывать про Алису — трёхлетнюю очаровательную малышку, которую она на сегодняшний вечер оставила с папой на свой страх и риск. И постепенно, пока Кира говорила о проделках дочери, я расслабилась. Как только ко мне подошёл Макс, я почувствовала себя скованно, но постепенно это ощущение ушло.

Всё-таки, в отличие от Киры, которая не имела понятия про тот спор, Малинин всё знал. И если с Прозоровым мне было нужно поговорить, то с Максом — точно нет. С ним и так всё ясно. Он просто поддерживал друга. Привычно оставался в стороне, ни во что не вмешиваясь.

А вот Кире тогда ничего не сказали. Посчитали, что она может меня предупредить. Скорее всего, так бы оно и было, но этого мы уже не узнаем.

Минут через десять Татарская слегка выдохлась, да и Макс у явно наскучило обсуждать чужого ребёнка, а своих отпрысков, чтобы поддержать диалог, у него не имелось. Любопытно, у Прозорова тоже нет детей? После двух-то браков.

— А вот и я, — послышался вдруг голос Гриши за моей спиной. — Прошу прощения, отлучался, были проблемы на кухне. Придётся нам сегодня обойтись без торта.

— Да кому он нужен, — отмахнулся Малинин. — Понимаю, у тебя бзик насчёт этого торта — традиция, все дела. Но один год можно и обойтись без него. Тем более, что в этом году сразу всё пошло иначе.

И Макс бросил на меня быстрый взгляд.

— Я вам сильно мешаю? — не преминула поинтересоваться я почти сочувственно, но вместо напрягшегося Малинина ответил Гриша.

— Нет. Наоборот. Я тебя каждый раз ждал.

В сердце неприятно кольнуло, но я не подала виду. Только усмехнулась с прохладцей.

— Скорее всего, только ты меня и ждал. Для остальных я — нежданчик.

— До остальных мне дела нет, — негромко произнёс Прозоров и тут обратил внимание на бокал в моих руках. — Томатный сок? — изумился Гриша. — Ты же его терпеть не можешь.

Помнит, надо же.

— Взяла в цвет платья, — иронично откликнулась, разворачиваясь к Прозорову лицом — и замерла, пойманная в ловушку его проникновенного серьёзного взгляда.

— Очень красивое платье, Инна, — сказал он тихо. — Но ты ещё красивее и...

Нет, стоп-стоп-стоп. Хватит!

— Ты опять с кем-то поспорил, что ли? — перебила я Гришу и поморщилась. — Извини, второй раз я на это не куплюсь. Давай без игр, пожалуйста. Мы уже не дети.

Показалось, или Прозоров и правда вздрогнул, будто я хлестнула его не словами, а ладонью по лицу? Нет, ерунда.

Не могла я его задеть. Не тот у меня уровень.

— Хорошо, давай без игр, — согласился Гриша слегка замороженным голосом. Будто боялся, что если выпустит сейчас эмоции, то разорётся на всю веранду. — Может, сядем?

— Мне и стоит неплохо, — я пожала плечами и потянулась за новым бокалом с соком, неожиданно поняв, что рядом уже нет ни Малинина, ни Киры.

5

Инна

Глядя в наполненные множеством самых разнообразных эмоций глаза Прозорова, я невольно вспоминала прошлое. Я ни капли не верила в то, что для него оно имеет особое значение — а вот Елена Вадимовна допускала, что у Гриши может быть свой гештальт по отношению ко мне.

В целом — плевать. Мне бы свой закрыть.

Моя мама умерла, когда мне было четыре года. Я плохо её помню, точнее, почти совсем не помню — осталось лишь общее ощущение, которое после её смерти исчезло из моей жизни навсегда. Ощущение, что ты в безопасности, что рядом родной человек, который сделает для тебя всё — победит всех врагов, повернёт реки вспять, свернёт горы, вылечит любую болезнь. Я помню теплоту маминых рук, нежный запах её волос, ласковость голоса, мягкость губ, но особенно — то чудесное чувство, которое приходило ко мне каждый раз, когда мама меня обнимала.

Она тяжело заболела и умерла от быстро развивающегося рака. Не знаю уж, что повлияло на моего отца сильнее — смерть жены или моя похожесть на маму (внешне я была почти полной её копией), но он с того момента закрыл для меня своё сердце. Быстро женился на другой женщине, у которой я всегда словно кость в горле стояла, и у меня стали стремительно появляться братья и сёстры. Ими отец и мачеха всегда занимались, заботились и любили, а мной интересовались не более, чем состоянием гардероба в коридоре. Дверцы открываются, не скрипят — ну и ладно.

Жаль, что у меня не было ни бабушек, ни дедушек. Будь они, возможно, всё сложилось бы совсем иначе.

Пухленькой я была всегда. Однако в первом классе — просто пухленькой, а вот к старшим классам я уже доросла до толстой. Я тогда весила около девяноста килограммов при росте чуть выше ста шестидесяти сантиметров. И меня это не так, чтобы слишком заботило, хотя нападки одноклассников и прочих учеников, конечно, огорчали. Но я была не способна отказаться от шоколадок, которые обожала и поглощала в диких количествах. Как сказала позже Елена Вадимовна, подобным образом я компенсировала нелюбовь родственников.

Отец и мачеха меня не обижали, но и не давали мне достаточно тепла, необходимого для любого ребёнка. Да и времени не выделяли — всё их время поглощали два моих брата и две сестры-близняшки. «Ты старшая и самостоятельная», — так часто говорил мне отец, когда я пыталась вовлечь его в свои проблемы. Впрочем, подобные попытки можно пересчитать по пальцам одной руки. Я быстро смекнула, что проще и быстрее дожидаться ответного письма от Деда Мороза, чем реакции от родителей, и перестала что-либо рассказывать отцу или мачехе.

В школе у меня не было друзей. Я спокойно и ровно общалась со всеми, потому что от природы была незлобным человеком, но не дружила. Может, если бы кто-нибудь задался целью стать моим другом, я бы поддержала эту идею, но увы — никому толстая Инна Обжорова, жрущая на переменах шоколадки, не нравилась. Хотя были ребята, относящиеся ко мне ровно, без насмешек.

Среди них был и Гриша Прозоров — наш староста.

Непререкаемый авторитет в классе. Да что там в классе — Прозорова знали во всей школе. Ответственный и серьёзный, умный, спортивный — он мне нравился. Нет, до определённого времени я не была в него влюблена, просто хорошо относилась, с радостью разговаривала, если представлялась такая возможность, и искренне считала его самым толковым мальчиком среди моих знакомых.

Именно ему я звонила, если мне нужно было узнать домашнее задание, и вовсе не потому что он был старостой — просто точно знала: Гришка единственный ни о чём не забудет и не подставит меня. Кира тоже никогда не подставляла, но она порой неспециально забывала о каких-либо домашних заданиях. И сама не делала, и мне не говорила. Это случалось редко, но всё же случалось, поэтому я предпочитала звонить Прозорову.

Кроме того, при нём меня никогда не дразнили — знали, что Гриша не одобряет любые конфликты, — и это тоже добавляло ему привлекательности в моих глазах. И уважения, разумеется.

В начале весны перед окончанием одиннадцатого класса Прозоров вдруг позвал меня на прогулку. Выглядел он при этом столь серьёзно и взволнованно, что я решила — что-то случилось. И едва не упала во время этой самой прогулки, когда Гриша сказал, что я ему нравлюсь.

— Шутишь? — улыбнулась я тогда и похлопала себя по бокам. — Я — нравлюсь?

— Не шучу, — ответил он невозмутимо. — Разве такими вещами шутят?

И я ему поверила. Потому что Гриша. Потому что он до этого ни разу мне не врал. Потому что я искренне его уважала. Я не верила, что он способен на плохой поступок. Наташа, кто угодно из одноклассников — да, но не Прозоров.

Несколько месяцев мы часто гуляли вместе, разговаривали обо всём на свете. Он за мной по-настоящему ухаживал, дарил цветы и нежно целовал, из-за чего у меня счастливо замирало сердце. И если поначалу я не была влюблена, то к концу одиннадцатого класса никого и ничего не видела, кроме Гриши.

Тот разговор я подслушала случайно. В кабинете нашей классной руководительницы шкафы специально были поставлены так, чтобы за ними находилось небольшое пространство, которое Антонина Николаевна использовала, чтобы складывать туда всё подряд — она была преподавателем ИЗО и черчения, помогала рисовать декорации к праздникам, поэтому «чулан», как она его называла, ей был очень нужен. И я втайне засела там после уроков, не предупредив Гришу — делала ему подарок к выпуску. В то время у моих братьев в попе вовсю играл подростковый возраст, и я боялась, что они всё испортят. Я хотела связать Грише свитер. Прозоров говорил мне, что любит связанные вручную вещи, вот я и пыталась за шкафом с разрешения Антонины Николаевны.

Гриша и Наташа Синеокова, увы, об этом не знали.

— Последний звонок через неделю, — услышала я насмешливый и звонкий голос Наташи. — А ты всё ещё не закончил спор! Может, сдашься?

— Нет, — раздался ответный голос Гриши, и я от неожиданности едва не выронила своё вязание. — Я выиграю.

— Пф-ф-ф! — засмеялась Синеокова. — Я же говорила, что даже ты не сможешь затащить Обжорову в постель. А ты не верил! Она же толстое бревно! Желание мне проспорил! Я уже начинаю думать, что пожелать! Аха-ха-ха!

Наташа противно рассмеялась, а я внезапно почувствовала себя так, словно меня взяли за шкуру, как новорождённого котёнка, и бросили в ледяную воду. Чтобы замёрзла, а заодно и захлебнулась.

Я глупо хлопала ртом, как рыба, и таращила глаза.

Это ведь не может быть правдой, да?..

Ведь не может быть...

— Рано празднуешь победу. У меня есть ещё неделя, — невозмутимо ответил Гриша. — Если не получится, тогда и поговорим. А пока не мешай.

— Кстати, ребята в основном ставят на то, что у тебя ничего не выйдет! — вновь гнусно захихикала Наташа. — В твои возможности, мне кажется, верит по-настоящему только Макс

и ещё пара мальчишек. Интересно, поверила бы Кира, если бы узнала о нашем споре? Думаю, нет! Сдавайся, Гриш! Не соблазнишь ты эту корову.

Больше Прозоров ничего не ответил, просто вышел из класса, и Наташа вслед за ним.

А я осталась. Разочарованная, растоптанная, униженная.

Я так ему верила. Вот дура! Лгал в глаза, обнимал, целовал, ухаживал — и всё это время думал только о том, чтобы выиграть какой-то дурацкий спор. Но зачем, зачем он вообще поспорил с Синеоковой?!

Я так этого и не узнала. В тот же вечер выбросила почти довязанный свитер в мусорный контейнер и решила, что не стану разговаривать с Прозоровым о подслушанном разговоре. Принялась изо всех сил избегать Гришу, даже на последний звонок не ходила. На выпускной — тем более не пошла, нечего мне было там делать. И на все экзамены являлась впритык по времени, чтобы он не успел меня ни о чём расспросить.

Прозоров звонил, пытался меня караулить, но когда прошёл последний звонок, резко снизил активность. Срок-то вышел. Уж не знаю, что он проспорил Синеоковой, да и знать не хочу.

Гриша, ставший после смерти матери первым человеком, которого я полюбила, напрочь убил во мне малейшую веру в людей. С тех пор, как я ни пыталась — не могла поверить окружающим, мне постоянно казалось, что вокруг меня все лгут и изворачиваются. Я с подозрением относилась даже к детям и женщинам, а уж мужчины... Единственное, что я им позволяла — секс, но больше ничего.

И если бы не депрессия, я бы и не подумала что-то менять в своём поведении. Так было во многом удобнее и проще жить, но сопутствующая моему состоянию жуткая болотная тоска меня достала. Не уверена, сможет ли разговор с Прозоровым что-то изменить для меня, но Елена Вадимовна права — надо попробовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.